

Дождь всё не переставал капать, небо совершенно потемнело, словно оплакивая горькую участь города Лабу. Всех раненых с главной улицы свезли в одно чайное заведение, где уже вовсю хлопотали двое лекарей. Му Юньцин провела туда старика, и один из лекарей, подняв голову и заметив его, торопливо сложил руки в почтительном поклоне:

— Господин Сунь, вы тоже пришли.

Старик лишь едва заметно кивнул.

Лишь когда полная луна поднялась в самый зенит, Чжун Цзянли вернулся во главе своего отряда. Му Юньцин поспешила ему навстречу: она уже поняла, что враг всё подстроил заранее, и смертельно боялась, что Чжун Цзянли бросится в погоню и снова угодит в западню.

— Ну как? Не ранен?

Лицо Чжун Цзянли было мрачнее тучи.

— Всё в порядке. На полпути мы встретили конный разъезд, посланный вторым братом для разведки, но догнать их не смогли — они сбежали.

Чжун Цзянли надолго замолчал.

— В этом бою я потерял больше четырёхсот воинов. Проклятье! — с этими словами он со злости изо всех сил ударил кулаком по стоявшему рядом столбу.

Му Юньцин попыталась его утешить:

— Противник всё спланировал заранее, тут любой бы попался на удочку. Победы и поражения — обычное дело для военных, а твоя вспыльчивость лишь помешает тебе принимать здравые решения. Успокойся, столько солдат ещё ждут твоих приказаний.

Чжун Цзянли опустил кулак.

— По дороге обратно я уже отправил разведчиков в Суму, чтобы приготовили повозки для перевозки раненых.

— А что будет с городом Лабу?

— Второй брат пришлёт сюда войска.

Под осенним ночным дождём раненые воины вернулись в город Суму.

Ранним утром следующего дня Чжун Цзянли вызвали в Северный военный лагерь Дин, и в город Суму он вернулся только после полудня.

Едва вернувшись в главную палатку, Чжун Цзянли увидел двух караульных у входа.

— Где Му Юньцин? Почему я его до сих пор не видел?

Один из стражников ответил:

— Младший генерал, вы же сами отдали приказ дать день отдыха солдатам, что вчера спешили на помощь Лабу. У него сегодня выходной, должно быть, до сих пор спит в своей палатке!

Чжун Цзянли нахмурился так, что брови полезли на лоб:

— Уже полдень на дворе, а он всё спит?

Бормоча это, Чжун Цзянли направился к палатке рядовых. В Северном военном лагере старый генерал Чжун устроил ему такую выволочку, что Чжун Цзянли был готов на кого угодно сорвать злость. Раздвинув полог палатки, он обнаружил, что палатки рядовых рассчитаны на четырёх человек, но сейчас остальные солдаты были на дежурстве, и внутри находился лишь Му Юньцин, спавший на самом дальнем месте.

— Вставай, давай вставай! Солнце уже к закату клонится, что это за сон такой? — говоря это, Чжун Цзянли принялся тормошить Му Юньцина за ногу.

Лежавший на топчане Му Юньцин свернулся калачиком, словно креветка, и даже не шелохнулся. Чжун Цзянли почувствовал неладное, подошёл поближе и внимательно вгляделся в лицо Му Юньцина: тот был весь багровый, а дыхание — тяжёлым и прерывистым. Чжун Цзянли поспешно протянул руку и коснулся лба Му Юньцина — ну конечно, жар. Вчера возвращались в город под дождём, видать, простудился.

— Эй, Му Юньцин, проснись, очнись! Ты горишь, вставай, я отведу тебя к лекарю.

Видя, что Му Юньцин по-прежнему не реагирует, Чжун Цзянли взял его за плечи, пытаясь приподнять, чтобы взвалить на спину и отнести к военному лекарю. Но едва Му Юньцина приподняли, как тот глухо застонал от боли.

— Ты чего? Я же даже не давил сильно! — воскликнул Чжун Цзянли и взглянул на Му Юньцина, но понял, что тот вовсе не проснулся — это была лишь бессознательная реакция.

Заметив это, Чжун Цзянли снова поднатужился, намереваясь взвалить его на плечо, как вдруг снова услышал сдавленный стон Му Юньцина.

Чжун Цзянли тут же осторожно опустил его обратно и уложил как следует. Теперь он всё понял: похоже, Му Юньцин был ранен. Когда он спасал того ребёнка, ему вроде бы послышался приглушённый стон Му Юньцина, просто тогда было не до того, чтобы задумываться. Чжун Цзянли легкими, осторожными движениями принялся прощупывать руки Му Юньцина, продвигаясь к плечам, и одновременно следил за его состоянием. Стоило ему коснуться левого плеча, как брови Му Юньцина тут же сошлись на переносице.

Чжун Цзянли чуть раздвинул ворот одежды Му Юньцина, обнажая левое плечо: марлевая повязка на нём была насквозь пропитана кровью. Переведя взгляд ниже, Чжун Цзянли заметил, что и под воротом на левой стороне груди белеет повязка. Мысленно он поразился: неужели и грудь ранена? Крепкий же парень, надо признать, всё стерпел.

Чжун Цзянли оттянул ворот ещё немного, чтобы точно убедиться, где именно ранен Му Юньцин. Но стоило вороту разойтись, как Чжун Цзянли замер на месте. Нежная кожа под воротником, едва заметные округлости под повязкой и какой-то неуловимый, едва ощутимый тонкий аромат...

Только что сидевший на краю топчана Чжун Цзянли подскочил так, будто его ошпарили кипятком. Остолбенев, он простоял так добрых несколько минут, прежде чем прийти в себя. Поспешно запахнув чужой воротник, он испуганно поднял глаза на входную занавеску — к счастью, никто не вошёл.

Наклонившись и полуприсев у топчана, Чжун Цзянли протянул один палец, слегка приподнял подбородок Му Юньцина и внимательно осмотрел его шею:

— И впрямь никакого кадыка нет!

Му Юньцин поморщился и тихонько застонал. Чжун Цзянли тут же отдернул руку. Присев на корточки рядом, он долго размышлял над происходящим. Наконец, аккуратно оправив одежду Му Юньцина и укрыв его ватным одеялом, он ещё раз всё тщательно проверил и, убедившись, что всё шито-крыто, быстрым шагом вышел из палатки.

— Сунь Чжо, подойди-ка сюда, — позвал он одного из стражников.

— Младший генерал!

— Есть ли среди палаток для рядовых свободная? — спросил Чжун Цзянли.

— Есть, младший генерал.

— Приготовь её для меня, только чтобы не слишком далеко от моей главной палатки. Ступай выполняй.

— Слушаюсь, младший генерал!

Отдав приказ, Чжун Цзянли быстрыми шагами направился к палатке врачей, но почти у самого входа вдруг остановился. Поразмыслив пару секунд, он развернулся и ушёл. Чжун Цзянли в одиночку вскочил на коня и во весь опор помчался за город. За стенами Суму протекала мелкая речушка с водой из таявших на вершинах снежников. Чжун Цзянли с размаху бросился в ледяную воду — осенняя река в Северных Землях уже обжигала холодом. Пробыв в ледяной воде добрых полчаса, он вылез оттуда весь дрожащий и поехал обратно в лагерь.

Переодевшись в сухую одежду, Чжун Цзянли велел позвать врача, под всякими предлогами заставил его сварить жаропонижающий отвар, а сам, прихватив целебную мазь и бинты, направился в палатку Му Юньцина. Долго проколебавшись у топчана, он в конце концов завернул Му Юньцина вместе с одеялом, взвалил на плечо и на всех парах бросился в приготовленную пустую палатку. Чжун Цзянли с удовольствием нёс бы его на руках, но языки у всех длинные, и, хорошенько всё обдумав, он всё же решил нести на плече.

Устроив Му Юньцин на новом месте, Чжун Цзянли с дрожью в руках приоткрыл её воротник, чтобы сменить повязку. Кожа на плечах Му Юньцина была белоснежной и нежной, и Чжун Цзянли невольно то и дело касался её пальцами. К тому моменту, как он закончил перевязку, лицо его покраснелось, а со лба градом катился пот.

— Младший генерал! — вдруг раздался снаружи голос солдата.

Чжун Цзянли смертельно испугался и окрикнул его со страшным испугом:

— А, да-да, в чём дело? Говори снаружи!

— Ваше лекарство готово, я оставил его в вашей палатке. Военный врач Ван просил передать, чтобы вы выпили его горячим.

— А, хорошо, понял, сейчас иду.

Тщательно закутав Му Юньцин в одеяло и тысячу раз убедившись, что всё в порядке, Чжун Цзянли стремглав выскочил наружу, но не прошло и половины чашки чаю, как примчался обратно. Осторожно отпоив Му Юньцин жаропонижающим отваром из фляги, он уселся рядом.

Ранним утром Му Юньцин проснулась и почувствовала страшную сухость в горле, во рту стоял жуткий горький привкус. Толком не придя в себя, она услышала рядом чей-то уставший голос:

— Ты очнулась?

Му Юньцин с изумлением увидела, что Чжун Цзянли, завернувшись в одеяло и шмыгая носом,

сидит на топчане рядом с ней.

— Ты почему здесь? А остальные?

Спросив это, Му Юньцин окинула взглядом помещение. Палатка была такой же, да только не её собственная — эта пустовала, и в ней находились только они вдвоём с Чжун Цзянли.

Чжун Цзянли молчал, уставившись на неё в упор. От этого взгляда Му Юньцин стало не по себе.

— Тебе нечего мне объяснить? — с опаской спросил он.

Лицо Му Юньцина в тот же миг помрачнело. Собравшись с силами, она приподнялась, сперва ощупала свой ворот, а затем правой рукой вцепилась в воротник Чжун Цзянли, рывком приблизив его к своему лицу, и прошипела сквозь зубы:

— Ты видел моё тело?

По идее, виновата была Му Юньцин, но под её яростным вопросом пыл Чжун Цзянли моментально угас.

— Я... я... я просто... просто менял повязку, повязку! Больше ничего не видел, — бормотал он всё тише и тише.

Му Юньцин оттолкнула его и закашлялась.

— Раньше я думал лишь, что у тебя нрав странный да бабский немного, но никак не ожидал, что ты и впрямь девчонка, — вполголоса проговорил стоявший в стороне Чжун Цзянли.

Услышав это, Му Юньцин, как раз глотнувшая воды, тут же зашлась в яростном кашле.

— Эй, ты помедленнее, сколько тебе лет, а всё водой давишься, — Чжун Цзянли шагнул вперёд и забрал у неё пиалу.

Му Юньцин долго сидела, опустив голову и молча.

— Как ты со мной поступишь? — хрипло спросила она, не поднимая глаз.

— Как я с тобой поступлю... Ах ты ж безбашенная девчонка! Это тебе не фунт изюму, это армия! За такие фокусы и прирезать на месте не грех! — грозно выпалил Чжун Цзянли, но сам при этом не сводил с неё глаз. Заметив, что она молчит, он немного смягчил тон: — Теперь я и

сам жалею, что на свою голову перевёл тебя из третьего отряда. Додумалась же до такого бреда!

Му Юньцин подняла голову и посмотрела на стоявшего рядом Чжун Цзянли.

— Раз уж так вышло, тайну мою ты знаешь. Убивать или наказывать — твоя воля, я приму любое решение. Прошу лишь об одном: не разглашай правду, придумай любой предлог, чтобы избавиться от меня.

Хотя Му Юньцин и пришла в себя, жар не спал, и выглядела она донельзя измождённой. Увидев её в таком состоянии, Чжун Цзянли не смог бы проявить жестокость, даже если бы захотел. Он ткнул её указательным пальцем в лоб:

— Ложись-ка обратно. Сначала рану как следует залечи, никуда я тебя отправлять не стану. Если бы не я, сидела бы ты сейчас тихо и спокойно в своём третьем отряде и не ведала бы всех этих бед. К тому же ты пострадала, спасая меня. Я, Чжун Цзянли, настоящий мужчина, стану ли я притеснять женщину?

Поддерживая Му Юньцин за плечи, он помог ей лечь.

— Отныне будешь служить при мне денщиком. Женщинам не место на войне.

Му Юньцин с удивлением смотрела на этого изменившегося Чжун Цзянли: ей ещё никогда не доводилось видеть юного генерала столь мягким и спокойным — обычно он вёл себя точь-в-точь как взъерошенный молодой львёнок.

— Эй, есть хочешь? Ты же вчера весь день проспала и крошки во рту не держала.

Не дожидаясь ответа, Чжун Цзянли камнем вылетел из палатки и уже через минуту вернулся с большой пиалой каши.

— На, ешь давай.

Му Юньцин обхватила пиалу с жидкой кашей обеими руками, и ей вдруг стало так горько на душе: с самого детства, кроме наставника, никто о ней так не заботился, и слёзы горошинами покатались по щекам. От этого её плача Чжун Цзянли едва не лишился рассудка:

— Эй, ты чего? Рана разболелась или что?

Му Юньцин молчала, а перепуганный Чжун Цзянли метался вокруг словно большая беспомощная обезьяна, не зная, за что схватиться.

Лишь спустя долгое время Му Юньдин сквозь слёзы всхлипнула:

— Ранена, а дают одну пустую кашу, даже солений нет... — и тут же невольно хихикнула.

Чжун Цзянли упер руки в бока и возмущённо бросил:

— Как там говорится? Лишь женщины и негодяи трудны в обращении. И ведь правы те мудрецы!

— Чжун Цзянли, если смелый, повтори-ка!

<http://bllate.org/book/19603/1923282>